

Николай Алексеевич Полевой

**О новейших
критических замечаниях
на «Историю...**

Николай Алексеевич Полевой

О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочиненную Карамзиным

«Долго ожидали мы Истории отечественной, сочиняемой Карамзиным, долго занимался сей почтенный муж важным творением, которому суждено было первое место в российской литературе. И вот уже совершилось восемь лет, как сей памятник ума и познаний историографа представлен суду ученого света!...»

Содержание

***	.0005
Примечания	.0019

**Николай Алексеевич
Полевой**

**О новейших критических
замечаниях на "Историю
государства Российского",
сочиненную Карамзиным[1]**

Статья 1

Долго ожидали мы Истории отечественной, сочиняемой Карамзиным, долго занимался сей почтенный муж важным творением, которому суждено было первое место в российской литературе. И вот уже совершилось восемь лет, как сей памятник ума и познаний историографа представлен суду ученого света!

Русская литература не составляет, подобно другим европейским литературам, одного общего поприща: донныне мы отделены от Европы. Язык богатый, но малоизвестный и трудный к изучению, препятствует европейским ученым освещать нашу литературу светильником критики. По переводам, не дающим понятия о силе, важности и степени достоинства наших творений, иностранцы не могут судить о нас. Но в истории русской они могли бы заняться отдельно, не литературою, но историческою критикою? И здесь важные препятствия!

Если бы русская история составляла одно общее с европейскою историею, она подошла

бы под размер критики общей; но с самого начала отделенная от Европы, не имевшая непосредственной связи с другими странами, Россия до XVIII века составляла особый мир. Польша, Венгрия и Турция, всегда замешанные в выгоды и невыгоды европейской политики, составляли, так сказать, оплот, чрез который другие европейцы проходили иногда посмотреть на Русь и рассказать потом землякам своим о диковинках, там виденных. К такому отделению России от Европы приучились и историки европейские.

В наше время надобно бы с высшей точки зрения смотреть на всеобщую историю; но, к сожалению, доньше не было еще такого историка, который, описывая историю Европы и Азии, дал бы надлежащее место России в своем творении.

История русская доньше составляет у европейцев отдельный предмет внимания некоторых ученых людей; но число их, и было и есть, небольшое.

Сии люди могли бы дать надлежащую цену творению Карамзина, но они не имеют потребных пособий. Это и отдельность истории

нашей от истории европейской произвели то, что европейские ученые ограничились поверхностным взглядом на труд историографа, согласно сказали, что до сего времени они не знали творения, столь хорошо изображающего историю русскую – и тем кончилось!

Но сказать, что одна книга лучше другой, не значит еще определить существенное ее достоинство. Здесь требуется, чтобы важность творения показана была не относительным, но положительным образом. Европейцы не могли этого сделать; надобно было заняться подобным показанием русскому критику.

Творение, выходящее из круга обыкновенных новостей литературных, может служить мерою народной литературы. Когда Робертсон[2] издал свою Историю Карла V, современные литераторы показали, что в общем объеме они не отстали от Робертсона. История Карамзина показала пример противного.

Правда, творение Карамзина, блистая яркими самоцветными красками, обратило на себя внимание соотечественников: но это не было внимание просвещенного, опытного любопытства, но удивление детей на дико-

винку невиданную. Прежде всего раздался голос литературных простолюдинов. Журналисты в обыкновенных выражениях возвестили появление Истории; критики, изумленные явлением новым в нашей литературе, с удивлением передавали друг другу неопределенные похвалы. Мнение, что История государства Российского творение превосходное и прекрасное, составилось; но как апофеоз римлян не давал человеку, принятому в число полубогов, прав на имя великого человека – так и творение Карамзина, хвалимое безусловно и безотчетно, не получало чрез то прав на славу. Голос толпы дает известность: слава есть приговор немногих избранных судей, и их утверждение решает достоинство писателя.

И в Европе, так же, как у нас, творение замечательное прежде всего получает известность от общего приговора, но вслед за сим слышан бывает приговор знатоков, критиков избранных, и писатель, выдержав их строгий суд, уверяется уже в достоинстве своего творения. Часто оба приговора разнятся между собою: последний всегда делает решитель-

ный перевес.

У нас *общий* приговор был произнесен, но мы не слышали приговора опытной, строгой, ученой *критики*.

Оценить творение великое может только тот, кто обладает способностью к великому. И сколь многим надобно обладать, кроме того, человеку, который возьмется судить творение, объясняющее важный предмет человеческих знаний! Сколько пособий и вспомогательного изучения потребно для изречения приговора!

Впрочем, критика на Историю Государства Российского могла б быть производима в различных направлениях. Можно бы рассматривать сие творение в рассуждении географии, языкознания, исторической достоверности и точности происшествий; разумеется, что важнее других взгляд философический: общее, все части сии объемлющее обозрение смело можно уравнивать с важнейшими учеными подвигами.

Но критики русские, кажется, не постигли еще хорошо той науки, жрецами которой себя называют. Ограниченные недалеким обо-

ром, тревожимые духом партий, приученные к мелочному мелочными предметами, многие из них не понимают той великой истины, что уразуметь и оценить красоты и достоинства гораздо труднее, нежели выискать ошибки, неисправности, неточности в творении огромном, разнообразном и многосложном. Критика наука: в ней постоянные правила, есть условия; но все это донныне тайна для многих наших критиков!

Критик, решившийся рассмотреть важное творение и дать отчет о нем, должен быть совершенно чужд мелочного расчета ловителей ошибок, должен возвыситься до той степени величия, на которой стоит творение, им рассматриваемое. Объемля вполне важность сочинения, он обязан сочинителю и публике беспристрастием, должен говорить языком, достойным предмета, и мне кажется (пусть назовут это парадоксом!), что публика и сочинитель должны знать: *кто берет на себя важную обязанность судии? на чем основаны права его?* Никому не запрещено поступать вопреки сим правилам, но следствие бывает равно причине.

Я сказал, что кто не чувствует в себе сил обнять предмет со всех сторон, тот может заняться им в одном каком-нибудь отношении: в Европе видим этому примеры. Но верный признак, что критика не достигла зрелого возраста, если критикующие, как пигмеи, окружают великое творение и, в полном смысле, закрытые неизвестностью, начнут нападать из-за углов, ловить на выдержку слова и торжествовать победы маленького, довольно-го собою честолюбия. Если весь круг действий ограничивается сими нападками, смело можете сказать, что творение, подверженное им, превышает понятия и способности критикующих!

Надобно признаться: взгляд на замечания русских критиков Истории государства Российского неутешителен.

Никто доньше не явился у нас не только с критикою, вполне объемлющею Историю государства Российского, никто не предстал даже с критикою отдельно по какой-нибудь части оной. Историограф, с благодарностию принимая замечания некоторых почтенных особ, доказал, что критика не оскорбляет его.

Дельный, ученый разбор, мы уверены, никогда не оскорбит писателя, надежного на свои силы. Зато он имеет полное право пренебрегать мелочными и несправедливыми притязаниями.

Я полагаю, что изобличение подобных покушений есть долг и обязанность журналиста. Это заставляет меня обозреть некоторые новейшие критические замечания на Историю государства Российского. Сначала исчислим главнейшие донныне известные критики.

Прежде всех показались критические замечания какого-то Киевского жителя[3] в «Вестнике Европы» 1818—1819 года. Ни одна критика не отличалась таким грубым слогом и такую сбивчивостью суждений. Обещав сначала разбор Истории, критик ограничился разбором одного предисловия. Каким же образом составил он этот разбор? Выхватив несколько фраз, соображая ошибки французских переводчиков, толкуя о предметах, мимоходом обозначенных историографом, и кончив ничем! Вот уже скоро пять лет, но не видно никакого продолжения. Потом появились в Казанском Вестнике замечания г. Ар-

цыбашева. Они были лучше замечаний Киевского жителя, но поверхностны, односторонни и кончились началом. Об отдельных критических пьесах того же автора, относящихся к IX-му тому Истории Государства Российского, не скажем ни слова.

В 1822 г. началось печатание критики г. Лелевеля, в «Северном Архиве». Начало обещало нам нечто систематическое, но последствия доказали, что критик имел в виду не разбор Истории государства Российского, но изложение мнений своих о разных исторических предметах. Продолжения не видно, и судя по обширному расположению, г. Лелевель, вероятно, напишет несколько томов. Будем судить, когда он кончит.

В нынешнем году явились на сцену два критика. Один, издатель «Сев. Архива» г. Булгарин, объявил, что он разберет 10 и 11 томы Истории; другой, скрывший свое имя под буквами Д. З.[4], явился в «Вестнике Европы», с статьею: *Исторические справки*.

Обзор русских критик на Историю государства Российского вообще доказывает неприятную истину. Если статьи почитателей Ка-

рамзина отзываются безотчетным восторгом, зато критики на его творение, кажется, пишут под диктатурою какого-то неприязненно-го чувства. Кроме критики г. Лелевеля, все другие подвержены сему недостатку. Предоставляя себе впоследствии разбор замечаний г. Булгарина, я обращаюсь теперь к Историческим справкам г-на Д. З.

Решительно признаю неприличным образ критикованья, какой доньше употребляли все критиковавшие Историю государства Российского.

Творение обширное, в котором все части соединены неразрывным союзом и, следовательно, в котором подробности часто зависят одна от другой, не может быть разбираемо клочками, отрывками. Можно обратить внимание на одно какое-нибудь отдельное описание и доказывать свое мнение касательно сего предмета; но никак не позволяется вырывать несколько строчек из одиннадцати томов и не соображая ни предыдущего, ни последующего, толковать их по своему произволу.

Г-н Д. З. под именем исторических справок

наполнил более 30 страниц следующим порядком. Без означения места, он выписывает одну, две, три строчки, дает им какой угодно смысл, критикует и доказывает, что в этом месте Историограф ошибся, не понял, что он противоречит сам себе. Позволительно ли это? Так ли должно писать критику на творение обширное и важное?

Неблагоденность критики г-на Д. З. всего заметнее в том, что он даже позволяет себе неверно и неправильно выписывать слова историографа и на неверно выписанных словах основывать свои суждения. Такое дело совершенно непростительно в литературе! На с. 213 «Вестника Европы» вот как начинается г. Д. З.:

«Нам говорят, что „господство монголов не оставило никаких следов в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян“», – г-н Д. З. без дальнейших объяснений доказывает несправедливость этого, исчисляя следы сии, оставшиеся в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке русском.

Хорошо зная Историю государства Российского, я удивился, где нашел это г-н Д. З. Прочитываю снова 4 главу V тома – одно из лучших мест в творении Карамзина – вижу превосходно изложенную картину состояния России от нашествия татар до Иоанна III. Историкограф, изложив следствия татарского ига на нравственность народа и властителей, на гражданское законоположение, на власть князей, на возвышение Москвы и утверждение самодержавия, продолжает (Т. V, с. 384): «Таким образом, имел вредные следствия для нравственности россиян, но благоприятствовав власти государей и выгодам духовенства, господство монголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных». За сим вопросом идут доказательства, что следы сии весьма невелики и что «россияне вышли из-под ига, более с европейским, нежели азиатским характером». Историкограф расположил слова в вопросительном порядке; г-н Д. З. заставляет историкографа говорить *утвердительно* и следственно – умыс-

лом переменяет и неправильно приводит слова его!

Признаюсь, что сообразив одно подобное покушение, я не решился бы никогда опровергать замечаний г-на Д. З.; но, к сожалению, увидел, что г-н Д. З. находит себе защитников не только в некоторых немногих читателях, не соображающих, что они читают, но даже в литераторах. Издатель «Сев. Архива», г-н Булгарин, торжественно объявляет читателям, что в г-не Д. З. «признает необыкновенную начитанность, проницательность, глубокие сведения в истории своего отечества и всеобщей и в науках политических», что сам он, делая замечания на его статью, имеет более в предмете научаться «нежели учить» и «желает побудить ученого сочинителя к дальнейшим историческим изысканиям». Такое соединенное устремление на историю государства Российского заставляя меня отразить нападения гг. критиков, положить литературной самоуверенности их надлежащие границы, сказать им: non plus ultra[5] – и тем доказать, что г-н Д. З. не должен браться за подвиг не по силам, не должен стараться унижать

творение, первое в нашей литературе, ничтожными нападениями, а г. Булгарин, по неизвестным мне причинам, поддерживает мнение своего сподвижника на одинаковом пути.

Примечания

В этой статье Н. Полевой пытается подвести некоторые итоги полемики вокруг «Истории государства Российского». Он считает, что еще не появилось серьезных критических работ, достойных труда Карамзина. В имеющихся работах можно видеть либо неумеренный восторг, либо мелочные придирки. В «Письме Киевского жителя» он не приемлет «грубый слог», незавершенность, «сбивчивость суждений». У Арцыбашева он замечает тенденциозность, а его критику на IX том вообще предпочитает не рассматривать. Лелевель, по мнению Н. Полевого, не столько разбирает «Историю» Карамзина, сколько излагает свои мнения «о разных исторических предметах». Что касается Д. З. (Дмитрия Зубарева), то у него Полевой отмечает предвзятость и неверность истолкований отдельно взятых, вырванных из контекста суждений историографа (в частности, о последствиях татаро-монгольского ига).

Н. Полевой считает, что историю России надо рассматривать в контексте всемирной

истории, «с высшей точки зрения». Свои взгляды он развил в дальнейших работах о Карамзине.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) – критик, публицист, журналист, редактор и издатель «Московского телеграфа». Статья об «Истории государства Российского» – одно из принципиальных для Полевого выступлений. Она связана с работой над «Историей русского народа», первый том которой также вышел в 1829 г. Ранее в «Московском телеграфе» появлялись доброжелательные отзывы о Карамзине Вяземского, Сомова, хотя отрицательное отношение Полевого к «Истории...» Карамзина сложилось давно. Признавая заслуги Карамзина в собирании и приведении в порядок исторических материалов, «образцовость» его языка и слога, Полевой вместе с тем рассматривает его как писателя «прежнего поколения» и противопоставляет карамзинской «повествовательной» истории концепцию истории «философской», вытекающей из «одного общего начала». Полевой сделал вывод, что «История государства Россий-

ского» «в отношении истории, какой требует наш век», то есть с точки зрения «философско-исторической», является произведением «весьма неудовлетворительным».

«Он осудил историческую концепцию Карамзина в целом, указал на отсутствие в „Истории государства Российского“ „одного общего начала, из которого истекали бы все события русской истории“. Неприемлемым было для него и стремление Карамзина приукрасить повествование за счет искажения в ряде случаев самой исторической правды. Несправедливым и ограниченным полагал он понимание автором „Истории государства Российского“ цели изучения прошлого как получения „архивной справки“ для правителей, дабы решать дела так, как их „прежде решали“, и назидание гражданам, что „зло всегда было, что люди всегда терпели, почему и им надобно терпеть“. В вышедшем вслед за статьей первом томе „Истории русского народа“ Полевой противопоставил свое понимание содержания исторической науки и исторического процесса исторической концепции Карамзина. Он принципиально расходился с

автором „Истории государства Российского“ в самом понимании предмета исследования и критиковал Карамзина за отсутствие изображения „духа народного“, пытаюсь противопоставить истории государей историю своего народа» (Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 73—74).

«У Карамзина Полевой не находит идеи „философической истории“, жалуется, что Карамзин „нигде не представляет нам духа народного“, – писал Н. А. Энгельгардт. – Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних и т. д., и т. д., дабы могли бы наконец понять, что есть история? Как должно ее писать и что удовлетворяет наш век? Все это приобрело особую пикантность, когда Полевой при № 20 „Телеграфа“ за 1829 г. следующее объявление, доказывающее, что сам Полевой, этот „остренький сиделец“, по выражению Пушкина, все „узнал“, „оценил“, „соединил“, „понял“ и вполне созрел, чтобы написать историю Рос-

сии!

Доныне у нас не было истории великого отечества нашего, которая, представляя вполне события, совершившиеся в русской земле, являла бы взорам просвещенного наблюдателя картину судеб России, в течение девяти с половиной веков, от начала русского народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины от незабвенного Карамзина, мы радовались его бессмертному творению, но преждевременная кончина не допустила историографа кончить труд великий. Мне казалось однакож, что при настоящем состоянии материалов и приготовленных трудов для русской истории, при совершенстве нынешних понятий об истории вообще, труд и желание сделать возможное по силам могут отчасти заменить великие таланты, и я осмелился писать историю отечества после Карамзина... Читатели увидят в сочиненной мною истории русского народа опыт полной истории отечества... Я хотел изобразить жизнь русского народа, его политическое и гражданское состояние, его нравы, обычаи, так сказать, физиономию народа в каждом периоде, с того, в который ди-

кий варяг приплыл на челноке своем к берегам Финского залива, до того, в который Александр явился победителем в Париже, и знамена Николая возвеялись у врат Константинополя. Вот предмет, изображенный мною. Вся история русского народа составляет двенадцать томов.

Первый том вышел в том же году. Ни по языку, ни по изложению, ни по историческим достоинствам он ничего собою не представлял. Пушкин назвал его пародией на Карамзина. Он к тому же полон темной, высокопарной, мнимофилософской болтовни. История Полевого никогда кончена не была, что доказывало ложь его объявления о „сочиненной“, „изображенной“ уже „полной истории отечества“» (*Энгельгардт Н.А. История русской литературы XIX столетия. Т. 1. 1800—1850. 2-е изд. СПб., 1913. С. 324*).

В своих исторических работах Полевой в известной мере опирался на труды французских историков Тьерри, Гизо и Минье, поставивших проблему борьбы классов, но, в силу своих собственных социально-политических убеждений, он не мог целиком исходить из

этой проблемы в объяснении русского исторического процесса, которое оставалось по существу романтическим. «...Эклектизм Полевого сказался в том, что в его концепции исторического процесса прогрессивные буржуазные социологические идеи и теории оказались совмещенными с историческими идеями современной ему идеалистической философии, – точнее сказать: Полевой воспринимал исторические идеи Тьерри, Гизо и Минье в значительной степени сквозь идеалистическую и романтическую философию, и это обстоятельство обусловило противоречивость его концепции» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 281—282). В 1830 г. Пушкин, рецензируя первый том «Истории русского народа», отметил связь ее Введения со статьей («Вступление... писано темным изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в „Московском телеграфе“...») и полемически повернул против Полевого его похвалы карамзинскому «слогу»: «По крайней мере слог есть самая слабая

сторона „Истории русского народа“... Искусство писать до такой степени чуждо ему (Полевому. – *Сост.*), что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено». Статья вызвала и другие полемические отклики. Впоследствии Белинский отметил: «Статья была превосходно написана, мера заслуг Карамзина оценена в ней была верно, беспристрастно, с полным уважением к имени знаменитого писателя» (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. С. 672*).

Примечания

Впервые: Московский телеграф. 1825. Ч. IV. С. 234—243. Печатается по первой публикации.

[^^^]

См. прим. 22 на с. 905.

[^^^]

3

Автор письма «От Киевского жителя к его другу» – М. Т. Каченовский.

[^^^]

4

Имеется в виду Дмитрий Зубарев

[^^^]

5

и не далее, дальше нельзя (*лат.*).

[^^^]